

*Посвящается моим родителям
И. С. и О. Ф. Эмелумаду,
а также моим предкам Эмелумаду,
Обиора, Окереке, Иругбо и другим,
мне неизвестным и давно забытым.
Бьяну велу оджи¹*

¹ Приидите, и да преломим вместе колу (из молитвы духам и предкам на игбо). (Здесь и далее — примеч. пер.)

Чужак

Давным-давно

Они понимали, что, должно быть, этот чужак прежде был рабом, если судить по его запястьям и правой лодыжке. Над его окровавленной спиной роились мухи. Никто не станет хлестать взрослого мужчину, только если он не раб или не преступник. Беглый раб или преступник, судя по кандалам на правой лодыжке. Или, может, буйный сумасшедший? Когда страж возвестил тревогу, вся деревня затаилась — и старики, и дети, и здоровые, и немощные. Беглые рабы обычно приносили с собой беду.

Жители деревни «Оба¹ Девяти Братьев», названной так в честь ее основателей, попрятались по домам, а лучшие ее воины устроили засаду в кустах, выглядывая и поджидая. Они были везучие, эти дети богини Идемили, то им было известно. Богиня, дающая им пищу из реки, окольцевала деревню своим тотемом — огромным питоном, отпугивающим врагов. Впрочем, везло им не всегда: временами та же самая река позволяла врагу подплыть поближе под покровом ночи, чтобы выкрасть местных детей. Оттого-то сейчас и сидели в засаде воины, молча наб-

¹ Оба или аба — амбар.

людая за прихрамывающим чужаком. Они ждали, на что он отважится, прежде чем в спину его прилетит стрела.

Наконец незнакомец остановился и упал, не в силах даже пошевелиться. Воины вышли из укрытия в своем камуфляже из листьев и рафии. Незнакомец лежал, уткнувшись лицом в землю, раскинув руки в стороны. Он что-то тихо бормотал и еле дышал. Эджимофо, самый смелый из воинов, подошел поближе и ткнул чужака в спину мачете.

— Мне надо увидеться с вашими старейшинами, — сказал незнакомец. Он лежал так, не шевелясь, пока не убедился, что никто не собирается отрубить ему голову. И лишь тогда он оторвал лицо от земли и повторил: — Мне надо увидеться с вашими старейшинами.

— А кто ты какой, чтобы требовать чего-то?

Воины были начеку: вблизи взгляд чужака казался вполне осмысленным, а когда он встал в полный рост, все вдруг увидели на его груди какие-то непонятные символы. Воины растерянно сделали несколько шагов назад.

— Так что такого ты натворил? — спросил Эджимофо, раскрутив мачете и подбросив его в воздух. Совершив несколько оборотов, нож преспокойно вернулся в руку хозяина, и тот довольно хрустнул рукояткой в оплетке из рафии. — Такой крепкий человек, и в цепях. Небось, убил кого не положено? Знаю я таких, любящих упиваться своей силой. Небось, белого убил?

Чужак молчал, но каждый почувствовал на себе его взгляд. Все сразу же встали на изготовку. Незнакомец облизал свои потрескавшиеся, иссушенные губы. Он

стоял настолько неподвижно, что мухи облепили его раны на ногах подобно черным кандалам.

— Тебе здесь не рады. Уходи, — сказал Эджимофо и указал туда, откуда пришел чужак. Но все же воины сомневались: в конце концов, этот человек просил о помощи, просил переговорить со старейшинами и имел на это право. В деревне не принято было отворачиваться от страждущих. А этот пришел сюда днем, а не под покровом ночи, пришел по доброй воле.

— Вы знаете, кто я? — спросил незнакомец.

Рот Эджимофо искривился в презрительной улыбке:

— Ну и кто же ты? Хочешь, чтоб мы боялись тебя только из-за этих отметин, про которые мы ничего не понимаем? Обычно люди вроде тебя так громко не заявляют о себе: они прячутся в ночи, шепотом обсуждая злостные планы. Кто знает — может, ты сам нанес себе эти отметины?

Незнакомец ошетинился, и воины испугались, что сейчас он нападет на них. Но мужчина лишь печально опустил голову.

— Люди вроде меня? Разве где-то тут есть подобные мне?

— Этого мы не знаем, — посмел высказаться один из воинов, но Эджимофо, чей взгляд пылал от гнева, прекратил этот обмен мнениями.

— Мы можем дать тебе воды, но после этого ты уйдешь. От тебя исходит запах беды, а нам этого не нужно.

Принесли воду в бутылочной тыкве, и незнакомец взял ее дрожащими руками. Сначала он пил маленькими глотками, но вода была такая вкусная, что он жадно прильнул к тыкве и стал пить, громко отфыркиваясь. Утолив жажду, остатки воды он вылил себе

на голову: вода потекла по его мускулистому телу, намочив набедренную повязку. Наконец незнакомец вернул тыкву воинам. Эджимофо снова указал на тропинку, предлагая мужчине уйти, но тот молча уселся на землю. Воины тихо переглянулись: ведь дело близилось к вечеру, скоро по тропинке в деревню начнут возвращаться местные — с рынка или с других мест, а дети, наигравшись вволю, поспешат к своим родителям. Воины не хотели, чтобы кто-то увидел чужака и чтобы началась паника.

— Поднимите его, — приказал Эджимофо и хлопнул плоской стороной мачете по израненной спине мужчины, отчего мускулы его угрожающе заходили волнами, хотя мужчина даже не пошевелился. Этот поступок Эджимофо распалил воинов, и они накинулись на чужака и стали его избивать. Когда позднее они потащили его через лес, то трава возле тропинки вся была примята и окровавлена, поэтому был оставлен самый молодой воин, чтобы убрать следы расправы. Самого пленника доставили в хижину, где проводились местные обряды. Сразу же по всей округе были отправлены отряды, чтобы разведать — пришел ли этот человек один или с ним был еще кто-то. Оставив охрану возле незнакомца, до самой ночи воины спорили, как им поступить — стоит ли сообщить о происшествии старейшинам. Не принято было избивать посторонних ни за что, да еще держать его под стражей, но командиром был Эджимофо, собравший во время войн больше всех трофеев из человеческих голов. Поэтому никто не посмел спорить с ним. До поры до времени.

Ночью незнакомца охранял тот самый воин, о котором мы уже говорили. Он был очень юн, со-

всем недавно женился и всем сердцем чувствовал несправедливость произошедшего. И тогда он побегал и позвал Иси Идемили, жрицу богини Идемили. И вот вдвоем они подняли незнакомца с холодного земляного пола и при помощи волшебства переместили его к алтарю богини, чтобы помочь мужчине снадобьями и отварами и вознести песнопения и молитвы. Жрица испрашивала прощения у матери Идемили за то, что был нарушен закон гостеприимства.

К тому времени, когда воины обнаружили исчезновение пленника и узнали о его местонахождении, тот уже начал исцеляться, что было совсем необыкновенно, учитывая, как сильно его избили. Эджимофо весь пылал от гнева, но теперь незнакомец находился под защитой жрицы. Командир стоял на пороге хижины, где находился алтарь: там в полумраке сидел этот мужчина и дышал полной грудью.

«Проклятье!» — прошипел Эджимофо и зло сплюнул. Какой-то странный человек в оковах, со странными татуировками. Кто знает, может, он является членом какой-нибудь тайной секты? Но Эджимофо не мог перечить их общей матери Идемили, особенно теперь, когда стараниями жрицы незнакомец был охраняем водами Идемили.

— Не смей плевать тут, а то утонешь в собственной злобе, — предупредила Эджимофо Иси Идемили. — Ты кто? Всего лишь муха на заднице слона.

Эджимофо вышел, специально задев плечом юного воина, он был настолько зол, что готов был убить его. Но юноша, являясь свободнорожденным и происходящим из знатного рода, весьма богатого землей и урожаями, мог бояться разве что гнева богов.

Чикодили Эмелумаду

— Когда ты выздоровеешь, я отведу тебя к старейшинам, — сказал юноша незнакомцу. — Я должен был сразу все сказать жрице. За нарушение законов нашего края положен штраф, и да простит нас Ани¹ за содеянное.

Незнакомец встал, выпрямившись в полный рост:

— Я — Нвокереке, многие зовут меня Идимогу, — гордо сказал он. — Когда тебе придется вступить в схватку с врагом, я буду на твоей стороне.

Высоко над деревьями вдруг громко затрубила птица-носорог и взмыла в небо, затмив своими крыльями солнце.

¹ Ани — свод этических правил народа игбо.

Глава 1

Озомена¹: ранее

В день, когда умер дядюшка Одиого, у Озомены зачесалась спина — чешись не чешись, легче не становилось. Озомена не стала никому говорить об этом. Будучи всего лишь восьми лет от роду, девочка знала, как следует себя вести в той или иной ситуации, а сегодня от нее требовалось быть скромной и молчать. Ведь изрешеченного пулями дядюшку принесли именно в их дом.

Тогда все всполошились, в воздухе витал металлический привкус крови. Мама Озомены понеслась на четвертый этаж, в комнату с медицинским инвентарем (она же и прачечная). Нужно было подготовить все необходимое для операции. Мама хватала с полок упаковки с иглами, скальпелями, пакеты для внутривенного вливания и передавала все это медсестрам, а те, в свою очередь, спешили на первый этаж, где за распашными дверями располагалась операционная отца. Никаких стенаний в доме никто себе не позволял, все это потом. Озомена тихо сидела в сторонке, пытаясь дотянуться до того места, где чесалась спина,

¹ Переводится с языка игбо как «да не случится больше никакого несчастья».

что у нее не очень хорошо получалось. Ее двенадцатилетняя сестра Мбу все время била сестру по руке, чтобы та прекратила чесаться, и с тревогой наблюдала за матерью, которая разрывалась между детьми и экстренной ситуацией. В операционную она все-таки не спустилась, чтобы не мешаться.

Мбу была долговязой, как кузнечик, и вся состояла из острых углов: положив на колени подушку, она баюкала их маленькую сестричку.

— Хватит чесаться, — сказала Мбу. — Надоело.

Мбу очень остро реагировала на звуки, и многие из них ее прямо бесили. Озомена перестала чесаться, но совсем на секундочку. Что вообще с ней происходит? Может, сыпь появилась от жары? Тогда нужно бы обработать спину охлаждающей ментоловой присыпкой. Озомена поелозила спиной о вязаный антимакассар¹, в узор которого было предостаточно узелков, чтобы принести хотя бы временное облегчение.

— Да хватит уже, — сердито повторила Мбу. С тех пор, как четыре года назад они вернулись в Нигерию из Англии, Мбу успела выработать в себе командный тон. Озомена плохо помнила Англию и не могла оценить ее по достоинству. Мбу рвалась обратно, Озомена хотела жить тут, и им было не сойтись.

Малышка заворочалась на коленках Мбу, и та рассеянно погладила ее. Потом пришла мама, забрала ребенка, а девочек отправила спать.

Утром они узнали, что дядюшка умер на операционном столе, когда ему только начали делать вну-

¹ Антимака́ ссар — тканевая или бумажная салфетка различной величины и формы (чаще прямоугольной), которая кладется на спинки и подлокотники мягких диванов и кресел.

тривенные вливания. Во сне Озомена постоянно чесалась, и под ее ногтями образовались красные полукружия. Душ стал настоящей мукой — девочка плакала, жалея и себя, и дядюшку, а еще чувствуя наступление перемен, сути которых еще не понимала. Озомена вдруг стала свидетелем, как ее собственный отец, горевавший по родному брату, вдруг сник и превратился в рыдающего мальчишку. В тот день Озомену и Мбу не повели в школу.

Через несколько дней все отправились к дедушке в деревню Оба, что в часе езды. На похороны девочки надели платья цвета индиго с батиком: больше ничего ближе к черному цвету не нашлось, ну то есть совсем не траурный цвет. Раньше Озомена уже присутствовала на похоронах. Когда ей было пять, умерла ее лучшая подруга Нненна, у нее были осложнения из-за серповидноклеточной анемии. Озомена стояла тогда со своими одноклассниками и учителями возле вырытой могилы, а мать Нненны причитала и убивалась от горя. Озомене казалось тогда, что все смотрят именно на нее, словно ожидая *чего-то такого*, что было ей не по силам. И тогда она подняла глаза к солнцу, чтобы ослепнуть и не видеть устремленные на нее взгляды. Было пролито положенное количество слез, все всхлипывали и вздыхали, глядя Озомену по голове, по плечам, но ничего, кроме смятения, она не испытывала. Отец тогда пытался спасти Нненну — ее привезли в больницу еле живую, изо рта ее капала какая-то зеленая жижа. Похоже, родители девочки пытались отпоить ее травами, ну а потом уже было слишком поздно.

Красный голодный зев могилы заглотил дядюшкин гроб, да так, что места для земли уже было мало,